

Twig

Арка вторая: Кот из мешка.

Враг

Пулемёты вели огонь очередями, присоединяясь к непостоянным звукам винтовок с затворами. Каждая пуля или очередь пуль начинала треск, за которым следовало эхо, а оно было словно вечным. Когда пуля врезалась в землю достаточно близко, то поднимала брызги грязи и пыли, падающие на тех, кто был в траншее.

Больше огня пулемётов. Выкрикнутые слова были разорваны на части стрельбой, становились бессвязны.

В траншее, Майер сидел опёршись спиной на уложенную землю. Обе руки держали винтовку, ногти, казавшиеся слишком чистыми, были в гравии и грязи, со слишком тёмными краями. Земля была сухой, но воздух был влажным, грязь и пот собирались и смешивались минуту за минутой. Если он слишком сильно задумывался над этим, то чувствовал, будто грязь настолько сконцентрировалась на его лице, шее и руках, будто ищет способ пробраться под воротник и в рукава.

День назад его обрызгало кровью и с рационом воды он не смог её оттереть. Он сделал ментальную пометку в голове о том, что пятна на руке были подписью Эндрю, запомнив мальчика, который с таким энтузиазмом обменивался книгами и бульварными романами, во время простоев. В какой-то момент, во всём хаосе и беспорядке, пятна высохли в тёмно-коричневый, присоединившись к грязи, которая сформировалась из смешавшихся пыли и пота. Смерть Эндрю вымыло и затемнило всё, что последовало дальше.

Ему нужно было лишь взглянуть на тех, кто сидел у стены, чтобы примерно узнать, как выглядел он сам. Истощение и груз эмоций изнашивали людей, а собирающаяся грязь и кровь скрывала лицо и личность. Там и здесь были пары глаз, которые казались слишком голубыми в тусклой палитре их окружения.

Он смотрел не на людей, ожидая страшного порядка. Было слишком похоже на то, что он смотрит на себя, это запускало самоанализ, а самоанализ не был хорошей вещью для сердца или души.

Вместо этого, довольно странно, он смотрел на сшитых. Те, кто не рыл или чинил уже существующие траншеи, стояли на коленях посреди траншеи. Большинство едва ли двигались, не вздрагивали и не потели. Грязь на них была сухой. Один застрял в одержимом цикле разборки оружия, очистки его частей, и обратной сборки. Управляющий держал запасное оружие Эндрю, готовый передать его сшитому, если ситуация того потребует.

Эти штуки были забывчивыми, грустными и не имеющими в распоряжении всех звуков. Сшитые были уродливыми, утилитарными, с открытыми местами для проходящих проводов, некоторые проходили по лицу. У двух из этих штук была плоть от нескольких людей. Один был собран из набора белой и чёрной плоти. Остальные звали его «Бык». У второго были части, которые могли принадлежать женщине. Это было в его глазу. Ресницы были слишком длинные, глаз был большим, бровь не достаточно широкая.

Женщина или ребёнок. Невинный глаз, – сказал он себе.

Пулемёты продолжали вести свой огонь. Пули стрекотали над траншеей, сгребая землю по краям обеих сторон. Только он расслабился, и взрыв прогремел в десяти метрах от него.

Это было почти тем, что другие называют «обсератель». Чистая ударная волна, даже если взрыв никого не затронул, могла пройти сквозь человека, ослабить ударом мышцы, которые должны удерживать дерьмо внутри.

Ему повезло, он сумел сохранить гордость и до сих пор избегал этого.

Сшитый с невинным глазом смотрел в никуда. Майер смотрел на этот глаз, смотрел сквозь и дальше.

Он не мог сказать почему, но он въедался в него, и всё равно он не мог убрать от него своего взгляда. Он неизбежно обнаруживал, что его взгляд возвращается, сколько не пытался.

Капитан, низко пригнувшийся к земле, двигался по линии. У него было два контейнера воды. Он предлагал каждому один.

Майер больше всего на свете желал помыться, почувствовать себя больше человеком вновь, но когда капитан подошёл, он потянулся за собственной банкой с водой, хлюпнув ею.

Капитан сказал что-то, но время выбрал неподходящее. Треск ружей утопил его голос. Он попытался снова, – Пей. Наполни свою, просто на всякий случай.

Майер увидел, как парни по обе стороны от него вздрогнули от четырёх последних слов. Он нет. Он взял тяжёлую бутылку с водой от капитана, взял её двумя руками, и пил, пока не почувствовал, что его может стошнить, после чего залил порцию в свою собственную бутылку.

Лицо капитана было не таким, когда он вернул бутылку. Глубокое беспокойство.

– Что? – спросил Майер.

Больше пуль коснулись граней траншеи.

– Ты здесь, с нами?

Было больше смысла в этом вопросе, чем казалось изначально. Там была сотня скрытых комментариев, идей и наблюдений, связанных в вопрос из четырёх слов. Майер был почти уверен, что мог бы сказать «нет», и его капитан послал бы его обратно, отослал бы с фронта.

– Я здесь, – сказал Майер.

Мужчина не спорил, но говорил очень мягким голосом, пока передавал бутылку следующему, – Ты сейчас больше похож на одного из них, чем на одного из нас, Майер.

День был горячим и жар был ещё хуже из-за некоторых ружей стороны Академии, набивающих горячий воздух в траншею, но он всё равно чувствовал несильный холод.

Майер всегда знал, что он лучше большинства, когда дело доходило до общения. Он знал похожих людей, в школе, рабочим, начинал узнавать других, во время солдатского обучения, всего месяц назад. У остальных были оправдания. Жестокий отец, которым они научились манипулировать, тяжёлое давление делового отца, требующего следовать по стопам.

Для Майера дело так не обстояло. Когда он серьёзно думал о взаимодействии людей,

определённые идеи были так ясны и очевидны. «Мы против них» была распространённой, определяла практически каждое взаимодействие среди культуры, классов, религии и национальностей. Одна из тех, что он очень давно постиг.

Но капитан, согнувшийся в траншее, говорил Майеру не о том, что он один из той стороны нелюдей. Капитан говорил, что он как один из сшитых.

Насколько же странно, что посреди всего этого, капитан назвал «ими» сшитых. Не людей, которые пытались их убить, не людей с коричневой кожей, не мексиканские силы, но сшитых.

Майер медленно кивнул. Хотя капитан уже ушёл к следующему человеку, мужчина всё ещё поглядывал через плечо, всё ещё смотрел и ждал ответа.

Сшитые мертвы.

Мертвы, но всё ещё ходят.

Я больше похож на них, чем на тебя?

Взрыв прогремевший рядом ответил его мыслям. Он не дёрнулся так же быстро или сильно, как некоторые другие.

Где-то посреди этого, когда был слишком удручённым или пытался беспокоиться, он начинал немного притворяться, чтобы соответствовать остальным, пока они съёживались, вскрикивали или матерились. Теперь он не был уверен, насколько его реакция была реальна.

Всё его тело болело, но ничто не коснулось его действительно. Ни пули, ни взрыв. Только грязь.

Но в то время, как сшитые были настолько горячими, что поддерживать контакт с их кожей было некомфортно, ему в этом жаре было очень холодно, во влажном воздухе.

Капитан взглянул на него последний раз, после чего ушёл, двигаясь к маленькому пазу в стене, где он мог общаться с капитаном эскадрильи дальше, в такой же длинной траншее.

Глаза Майера оставались на женском глазе сшитого. Она медленно моргнула.

Когда глаз открылся, земля начала гудеть.

Были крики тревоги. Майер был безмолвен, когда поднимался, отступал от стены. Секции начали крошиться с краёв. Дальше грохот обвалил нижнюю часть стены мужчине на голени. Его оттянули раньше, чем неподдерживаемый верх присоединился к остальной земле.

Гул не остановился, но усилился. Отдалённый звук присоединился к гулу. Он был слишком низким, мгновенным и притуплённым, чтобы быть треском стрельбы, но всё равно был треском.

Всё остановилось, даже звуки ружей. Уши Майера звенели, и он чувствовал оцепенение, пока его толкали в сторону, а сшитый, который был в резерве, теперь спешил починить стену. Множество выстрелов загрохотали, и один попал в него, но он даже не замедлился.

Он сомкнулся взглядом со сшитым, на которого смотрел, и сделал непреднамеренный шаг, чтобы последовать за ним.

Кто-то схватил его, потянул назад.

Он понял почему. Где стена упала, больше не было никакого прикрытия. Он мог выйти вперёд и получить за это пулю. Его не беспокоил опыт того, что он чуть не умер.

Теперь, однако, когда он подобрался ближе, он видел, что было за дырой. Они врылись в пологий холм, а значит, у них было преимущество высоты, так что вражескому огню будет труднее их достать, и теперь он мог выглянуть и посмотреть вдаль. Побережье. Непригодные для питья солёные воды.

Два корабля. Титанические лодки, неуклюжего размера, нагруженные оружием. Они достаточно врезались в пляж, чтобы на их вызволение потребовалась колоссальная сила.

Сила, наверно, которая была предоставлена хлыстовыми, бескостными конечностями в задних частях кораблей. Кораблей, которые были частично живыми.

Передние части кораблей сдвинулись, открылись, словно громадные металлические пасти. Из каждой вышло по зверю, которые, должно быть, занимали всё пространство. Больше зданий, выше холмов, в которые вгрызались траншеи. С тупыми углами, толстой кожей, глазами слишком маленькими для таких размеров. Они передвигались на всех четырёх, похожие на бегемотов или носорогов в целом, но с комковатыми головами, и грудными клетками, которые были выше и глубже, с массивным объёмом.

Далековато это от Ноева ковчега. В каждом ковчеге было всего по два зверя, один, что толкал лодку, и один, что только что из неё родился.

Один зверь взревел, и это было назальным, мычащим рёвом, который был таким же обширным знаком, как прибытие самих лодок. Воздух вздрогнул от звука, заставив сердца пропускать удары.

Его зверь-товарищ подхватил рёв.

В ответ пулемёты вновь открыли огонь. В этот раз очереди были короче, и треск, и пули, несли в себе и другие звуки.

Больше они не были направлены на полк Майера.

Звери ушли в позицию, на которой он не видел их через дыру в стене траншеи. Он взглянул за неё.

Один зверь открыл рот, опустив голову ниже к земле.

Красно-жёлтый туман выплыл наружу, грудь штук сжималась и качалась, выталкивая газ. Он держался низко к земле, распространялся. Грудь рябила от маленьких пятен красного, где массивные пули вошли достаточно глубоко, что оставить трещины, выемки и проколы на коже. Этого не достаточно, чтобы остановить эти штуки.

Капитан вышел вперёд, взглянул наружу и в сторону, последовав взгляду Майера. Мужчина нырнул обратно в безопасность. Майер не двигался с места.

– Они проиграли, – сказал капитан.

Майер кивнул.

Теперь вражеские солдаты были другими.

Майеру пришлось отступить назад, с пути сшитого, который начал заталкивать землю обратно в дыру стены траншеи. Того, с глазом, не было здесь.

– Не мы победили, – сказал капитан, заговорщическим тоном, не предназначенным для всех солдат. – Корона не проигрывает войн. Когда начинает казаться, что они могут проиграть, Корона выходит на ничью.

Газ рассеивался. Вражеские солдаты всё ещё стояли, всё ещё казались живыми, собирались с силами.

– Я видел это несколько лет назад. Нечто вроде того, – сказал капитан. – Так всё может стать труднее.

– Труднее?

– Газ, это чума. Паразиты, может, или передающийся яд. Победа или поражение, если эти, с коричневой кожей, вернутся домой, к своим семьям, они убьют их.

Прогремел взрыв, зверь передёрнулся, повернул голову в сторону. Урон казался незначительным, учитывая всё.

– Им нечего терять, – сказал Майер.

– Именно так, солдат.

Враги собирались с силами. Больше взрывов прогремело. Даже с такой дистанции слышались крики. Одна команда, эхом прошедшая по полку других людей.

Звери были настолько громадны, что почти каждый снаряд попадал. Каждый снаряд вредил, даже если масса монстров была столь велика, словно они ведрами выкачивали пруд.

Один хорошо поставленный выстрел задел раненный участок. Последовавший брызг крови был феноменален, хотя и не был продолжительным, он был маленьким ранением в громадине.

Команда прозвучала вдали траншеи. Так же, как это делали враги, капитаны отозвались эхом.

Майер смотрел на своего капитана, ждал.

В десяти метрах, следующий капитан подобрал крик.

– Вперёд! Цельтесь в установки!

Капитан Майера вдохнул, после чего повторил, – Вперёд! Цельтесь в установки!

Уничтожьте артиллерию, чтобы спасти зверей.

– Первыми сшитые! – приказал капитан. – Используйте их для прикрытия. Не отставайте!

Теперь было столько страха и неуверенности в траншее. Шёпот о том, что можно подхватить чуму или пулю.

Майер, слышал, что в типичном расположении солдат, даже в ситуации жизни и смерти, один из двадцати не станет вредить другим людям.

Мысль чуть не прогрела холод, который был глубоко в его груди, страх, гнев и расстройство накапливались глубоко внутри. Внутренняя человеческая доброта.

– Убедитесь, что винтовки заряжены и готовы, – сказал капитан.

Напоминание помогло, но людям требовалась помощь в другом. Майер это знал.

Капитан пробудил Майера от чего-то постепенного, что происходило днями и неделями. Постепенного скатывания к состоянию человека, что уже мёртв.

Он не мог идти по этому пути назад.

Идти можно было лишь вперёд.

Он будет вечно благодарен за это маленькое пробуждение. Даже, если его вечность протянет ещё всего несколько минут.

Больше снарядов отправилось в путь, каждый был нацелен на громадного зверя, разносчика чумы. Обсератели, как их звали другие. Майеру никогда не нравились мерзкие слова.

Он предпочитал слова, в которых было больше силы. Он наклонил голову.

Наклонив голову, он заговорил, – Я молюсь тебе, Боже, во имя защиты. Ты делаешь лишь правильное, так приди нам во спасение. Прислушайся к нашим молитвам и защити от вреда. Будь нашей могучей скалой, местом, куда мы всегда можем сбежать от дождя. Защити нас именем своим.

Он продолжил, – Ты заставил нас пережить великие страдания, но ты достал нас из этой глубокой, грязной ямы. Ты дал нам новую жизнь, сделал нас истинно великими, и мы будем стараться отстранить скорбь.

Когда он поднял взгляд, то понял, что многие смотрят. Сшитый с невинным глазом уставился, его рот двигался повторяя слова.

Он не знал, почему это настолько его беспокоило.

Когда он посмотрел на капитана, лицо мужчины было серьёзным. Лица без слов или тона было понять труднее, но он не был слеп.

Мужчина кивнул ему.

– Вперёд! – прозвучал крик с дальнего конца траншеи. Он мгновенно был подобран эхом различных голосов.

– Вперёд! – выкрикнул капитан Майера. – Через холм! Сперва сшитые!

Сшитые пошли. Где-то грохот и взрывы ослабили стены траншеи, некоторые проломились немного под весом мёртвых тел.

Майер смотрел за тем, как его сшитый уходит, погоняемый управляющим, остающимся позади. Не ожидалось, что он вернётся или будет ждать другого приказа.

- Вперёд! Прямо за ними! Если будете ждать, то умрёте! – ревел капитан.

Майер пошёл. Он смотрел за сшитым, к которому чувствовал такую сильную, опасную связь. Он следовал за ним, держал ружьё обеими руками, к нему присоединились другие солдаты. Сухая земля была ровно с таким склоном, чтобы бежать по ней можно было быстрее, при этом не спотыкаясь.

Там, где было равнодушие раньше, остался дикий, безумный страх и ярость, направленная на них, на врагов.

- Очистить траншею, на установки! – ревел капитан слова.

Каждый шаг Майера был шагом прочь от мёртвого человека, самым ироничным способом. Была страсть в его движениях, и идеи того, что он может сделать, если переживёт всё это, загорались в его голове.

С бесстрастным выражением он видел, как сшитый с невинным глазом погибает. Дитя или юная женщина использовались для его создания, он знал. Он чувствовал связь с этой штукой, и не был уверен, чем была эта связь, словно было в этом что-то, что он должен был соединить.

Три человека погибли от его рук, но их лица даже не задержались в его голове. Одно выстрелом, двоих ударами штыка.

Ещё двое были ранены, порезал их лица, хотя по этим лицам уже ползли штуки, которые создали Академии. Паразиты и пиявки. Оранжевый туман держал в себе и ещё что-то. Штуки, которые вредят и ослабляют. Враги были слишком медленны, чтобы сражаться, слабы, но ничуть не теряли убеждений. Странная комбинация.

То, чем мог бы стать Майер, если бы его не пробудили.

Он не сдерживался, не мог из-за страха, что уже никогда не сможет вернуть эту безумную храбрость.

Он добрался до вражеской траншеи, увидел, что никто не способен стоять или держать оружие. Трясущимися руками он поднял себя и перетянул на другую сторону, чтобы двигаться к артиллерийским установкам, перезаряжаясь в момент, когда обе его ноги были на прочной земле.

Люди у артиллерийских установок должны были знать то, что было достаточно очевидно Майеру и другим членам его полка. Это было односторонней резнёй.

И потому не было у артиллеристов причин сдерживаться. Пушки опустились, нацелились вперёд и центр.

Майер поднял винтовку, прицелился, и выстрелил в мгновение. Он видел, как человек умер.

Однако человек, который управлял артиллерийской пушкой, прожил достаточно, чтобы потянуть спусковой крючок, выстрелив в полк Майера.

Майер почувствовал, как исчезла его рука, словно клочок одежды был задет сильным порывом ветра. Ослепший и почти оглохший, с пустым кишечником, он упал. Лишь тогда он лёг, жажда потери сознания, чувствуя боль по остаткам его кожи.

Он подумал о сшитом и теперь думал, было ли это реально, или означало нечто лишь для него. Вздых.

Он закричал, не из-за боли или страха или безнадёжности, но потому что не мог выдержать неугасающее пламя в себе, а крик ярости и неповиновения был последним, что у него осталось.

Майер поднял руку, которую ему дала Академия. Дождь устремлялся сквозь и мимо расщелин и трещин. Тут и здесь, мышцы дёрнулись, агония прошла сквозь вены, нервы и через отверстия, где гриб, а это всё было грибом, несмотря на внешний вид, прорывался через плоть. Он сравнил это с горячей докрасна иглой, протыкающей его руку каждые несколько секунд.

- Как боль? - спросил его капитан.

- Она никогда не прекращается, - сказал Майер. Он подул в свисток, удерживая положение зверя Академии.

- Может, когда мы закончим будет лучше, - сказал капитан.

Майер, конечно же, знал его имя. Эдвин Гибсон, друг и надёжный человек, оставшийся его капитаном во многих смыслах. Так он держался за огонь, удерживался от того, чтобы соскользнуть в мёртвое место. Вспоминал тот день, почти более живым и ясным, чем может быть реальная жизнь.

- Не думаю, что я когда-либо закончу, - признался Майер.

- Ты выбрал правильного врага в бесконечной войне, - сказал капитан.

- Я выбрал? - спросил Майер.

- Плохо выбрал слова. Я больше человек действий, чем слов. Боец.

- Мм хмм, - сказал Майер. Улыбнулся. - Я скучал по тебе, Эд. Это был одинокий год без твоей компании.

- Я мог тебя навестить.

Майер покачал головой. - Не стоило риска того, что другие могли прийти к выбору и начать задавать вопросы.

- Знаю. Не то, чтобы это имело значение.

- К несчастью нет. Академия изменяется. Может, нам придётся действовать раньше, чем позже, дабы не остаться позади.

- Ладно. Мы уже ждали слишком долго.

Майер улыбнулся.

Когда прошло несколько секунд, он отважился, - Последнее время я вспоминаю. Ты помнишь тот день?

- Помню. - Не требовалось спрашивать, какой день.

- Был ли это хороший или плохой день, как думаешь?

Капитан немного улыбнулся. - Постоянно с жёсткими вопросами.

Не ответ, но, вероятно, единственный ответ, который он даст. Майера это устраивало.

Они не думали о последнем дне, когда сражались. То был действительно последний день войны. Корона отказалась от войны недели назад, мотивация оказалась под вопросом ресурсов. Слишком дорого было таким тонким слоем размещать продукты Академии, ставить под угрозу своих сшитых солдат. Не потери хороших мужчин и парней. Ресурсы.

Майер и его товарищи солдаты не сильно отличались в этом отношении от сшитых.

Нет, день, о котором они думали, был днём, когда Майер хромая покинул больницу со своей новой рукой, огонь горел яростнее чем когда-либо, но без выхода. Даже в его лечении Академия взяла свою долю плоти. Рука была ещё одним экспериментов. Они починят или заменят её, если потребуется, пообещали они.

Он предпочёл боль. Лучше, чем дать им больше информации и помочь в их работе. Боль тянула его вперёд, напоминала о том, что он должен продолжать двигаться, фокусироваться на своих талантах и фокусировать свой мозг на поиске всех возможностей.

Даже так, он не ожидал детей.

В будущем будет знать лучше.

Бог не был на их стороне, - подумал Майер. Когда он встретился со своим полком, это должна была быть их последняя встреча, прежде чем их пути разойдутся, тогда он пробормотал эти слова. Призыв к оружию и извинение за неудачу его собственной молитвы, прежде чем они разошлись.

Он много сказал после того. Они слушали. Они говорили, каждый из них, до поздних часов.

Они планировали.

Эти планы должны были сойтись сегодня и завтра. Сплотить людей против Академии и увидеть, какой она действительно была, и позволить им потерпеть неудачу. Неудача может привести к другим чувствам, если он будет осторожен.

Эксперимент Академии среагировал, отпрыгнул обратно, чуть не раздавив одного из солдат авангарда.

Человек, слишком громадный, со слишком толстой кожей, деформированный и толстый, скрылся за ближайшим зданием.

Пожиратель. Майер и его люди проводили исследования. Их люди в стенах Академии обеспечили критические данные.

Майер чувствовал, как жар в нём горел тихо и отчётливо. Меньше был похож на разъярённое пламя и больше на горячую добела сталь. Он поднял руку, чтобы засвистеть, и крепко сжал свисток.

Расскажи Академии что угодно, но не говори им о свистке, – сказал он мальчику.

Он дал другие инструкции другим в Академии. Которыми у него ещё не было шанса воспользоваться.

Со свистком на месте, он схватил винтовку и подбросил её точно вверх, поймав так, чтобы рука была низко и на месте, и продел свой большой палец через кольцо, которое он установил для возможности выстрелить. Он вновь сместил свой хват, подняв данную Академией руку, чтобы конец винтовки не дёргался.

Пожиратель передвинулся в сторону. Слишком быстро для чего-то таких размеров.

Но Майер ждал этого движения. Пожиратель когда-то был человеком. Он думал и действовал как человек. Следовал тем же правилам.

Винтовка передвинулась в такт движению Пожирателя. Майер выстрелил.

Он смотрел за тем, как Пожиратель падает.

Белое от жара пламя и боль, что поднимала его в ночи, заставляла его фокусироваться. Когда он не мог спать по ночам, он выходил на окраину города и практиковался в стрельбе. Всегда со своей винтовкой.

Пожиратель не сильно отличался от тех громадных зверей, разносчиков чумы, которых он видел в последний день войны. Толстая шкура, но глаза они сделали маленькими не без причины. У Пожирателя настоящие глаза были скрыты, замаскированы по сторонам.

Пожиратель дёрнулся, потянул одну руку к скуле. Бутыл жидкого огня разбилась о его грудь, и содержимое разбрызгалось, растеклось с его кожи словно вода с гусиных перьев. Он даже не был опалён.

Майер подумал. Несколько коротких, резких свистков указывали направление. Колючий зверь ринулся, пробежав мимо Пожирателя. Что угодно было бы нарезано, но Пожиратель даже не был поцарапан.

– Цельтесь в глаз! Правая щека! – закричал капитан.

Пожиратель ринулся на них. Майер перенаправил зверя, поставив его на пути монстра. Он был ниже к земле, лучше связан, в то время как Пожиратель был невероятно силён. Пожиратель мог разобраться со зверем, но не мог защищать свой другой глаз в процессе. Он попытался использовать другую тактику, повернулся боком, побежал плечом наперёд, убрав монстра со своего пути и продолжив двигаться вперёд.

Команда разделилась, один солдат оказался слишком медленным, чтобы уйти с пути. Джин Дюпай, Майер знал, травмировал ногу в том же взрыве, который отобрал руку и плоть Майера. Дюпай умер, или был ранен настолько сильно, что только Академия сможет его собрать.

Майер свистнул, два резких дуновения.

Пожиратель повернулся, переориентировался, осмотрелся, чтобы понять где что, используя оставшийся глаз.

Колючий зверь атаковал его, пройдясь по лицу и груди. Судя по его реакции, зверь прошёл

близко. Он чуть не наступил на Дюпая, пока боролся с ним.

Капитан теперь повернулся свистнуть.

Это было странным отражением, в некотором смысле, того дня в войне. За исключением того, что теперь Майер и его люди были на другой стороне.

Пожиратель увидел маленькие, тёмные объекты, упавшие вокруг него. Зверь, которого дали Майеру, почувствовал их ещё в воздухе и был достаточно быстр, чтобы отступить.

Не меньше дюжины гранат взорвались друг за другом.

Это не конец. Этого недостаточно, чтобы убить Пожирателя. Этого было достаточно, чтобы задержать его, дать им пройти один или два квартала. У них будет другой шанс ослепить, другие слабости, чтобы их использовать. Этой ночью будут другие препятствия, прежде чем они доберутся до безопасности.

Но Майера это не беспокоило.

Битвы, в которых он сражался, будь они против Пожирателя, детей или самой Академии, не были битвами, в которых он должен победить.

Но он видел свою смерть, мертвеца с невинным глазом. Он пережил и пересилил её. Если чего-то не хватало, теперь это ушло, заменилось постоянно горящей яростью самого тихого, самого терпеливого вида.

Немного было препятствий, которые он не мог пересилить победив смерть. Он знал это, его товарищи знали. Другие скоро узнают.

Он верил в это.

<http://tl.rulate.ru/book/6109/171517>